

* * *

Мне скоро тридцать, скоро тридцать.
Промчались вёсны, отзвенев,
И, вспыхнув первою зарницей,
На мне срывает осень гнев.

А сердце всё полно июнем.
С рассудком явно не в ладах,

Гремит настойчиво и юно
На всех на ста своих ладах

И не нуждается в советах,
И любит, не боясь сгореть.
...Вот так бывает в сентябре,
Когда бушует бабье лето.

Сентябрь 1964 г.

* * *

Разошлись, раскудахтались женщины,
Закидали девчонку вопросами:
Кто жених и когда на ней женится?
Как относятся к этому взрослые?

Много ль денег? Каков внешний вид?
Где работает?— словом, все данные. —
Искушен ли в вопросах любви?
И подобно тому, и так далее.

Без стеснения открыв все двери,
По-хозяйски пролезли в душу.

Как в наряды в чужом шифоньере
Руки грязные запустили,
Понамазали, наследили
И... ушли, когда стало скучно.

* * *

Ты где-то на юге, далеко на юге,
Где чайками в море купаются звезды,
Где кажешься сам себе новым и юным,
Как будто сбежал в отшумевшие вёсны.
Там лето щедрее и люди беспечней,
Там всё голубое: и солнце, и дали.
А здесь уж зима, и неласковый вечер
Со злостью позёмкою первой кидает
И людям грозит метельною ночью.
Горяч по-мужски, по-ребячьи упрям,
Когда ты приедешь? Мы ждём тебя очень,
Окошко твоё под сосною и я.

Октябрь 1964 г.

* * *

А ведь нужно было так немного:
Добрых слов десятков да совет.
Человек не может жить без Бога,
У меня такого бога нет.

Но разбиты жизнью пьедесталы,
Бог развенчан, сняты образа,
Только в цепкой памяти остались
Синие холодные глаза...

Не люблю ходить путём окольным,
Хоть и нет на мне защитных лат.
Ты моим святым был на иконе,
А любовь религией была.

Если уж судить, так только строго.
Пусть горит огнём последний мост!
Быть, наверно, очень трудно богом,
Ты и человеком быть не смог.

Январь 1965 г.

* * *

Город поседел совсем от снега,
А давно ли был, как август, рыж?
За день натрудившееся небо
Отдыхает, свешиваясь с крыш.

Гаснут лампы, окна засыпают...
Ночь спешит домой прохожей поздней,
И мигают сонные трамваи
С соснами беседующим звёздам.

Март 1965 г.

* * *

Дождь лучами косыми
Барабанит в окно.
Снова в мыслях о сыне
Бесконечная ночь.

И пустует кровать,
Никого не дождаясь.
В тишине этой ватной
Только всхлипы дождя.

Ах, Олежка, Олежек,
Мне бы петь, не грустить!
Мой весенний подснежник
Не успел расцвести.

Только буйствует нежность —
Нерастроченный дар.
...Первый иней заснежил
Мне виски навсегда.

Июль 1965 г.

* * *

Снег идёт, озорной, искристый,
Точно в радужно-синем сне.
Беспокойный, задорный, чистый,
Удивительно русский снег.

И печальный, и тут же бодрый,
И отчаянный, и хмельной,
Мирно, щедро и так свободно
Первый снег идёт надо мной.

Против света идёт, против ветра,
Один, напролом, всюю,
Словно вновь демонстрирует свету
Он российскую нашу суть.

Замечали: он нынче русский.
Или это вымысел мой? —
Почему-то особенно русской
Ощущаю себя зимой.

Декабрь 1965 г.

* * *

Все дальше в небо, выше в небо,
Где тучи вольны и беспечны,
Где солнце, как буханка хлеба,
Зажаренного в русской печке.

И я впервые понимаю,
Как много значит слово «жизнь».

А за бортом, под самолетом,
Шальной малиновый закат,
Как будто очень дерзкий кто-то
Зажег сухие облака,

Мы беззаботно тратим годы,
И помним с вами не всегда,
Что в долгу перед природой
За этот драгоценный дар.

И самый воздух уж пылает,
Пожар такой, что лишь держись!

А время мчит, бушуют вёсны,
Святые падают с икон,
И кто-то открывает звёзды
И проникает вглубь веков.

А я? Прделано так мало,
Хотя сопутствовал успех.
И я впервые понимаю:
Ведь можно просто не успеть

Прожить, чтобы во всём свой почерк
И в жизни свой глубокий след, —
Не тот, что ежедневно топчут
Ботинки наши на земле.

Август 1965 г. Владивосток

* * *

Живу неосторожно и непросто,
А в сердце всё вокзальный уют.
Живу, как испытание на прочность
Сдаю.
Опять стою одна на полдороге,
Но молниям жар-птицы не убить!
Я не умею как-то понемногу
Любить.
Я не умею громко поклоняться.
В любви красноречиво и молчанье.
Чем дальше, тем настойчивей и чаще
Ночами
Я ухожу в далекую деревню,
Где бражный запах скошенной полыни,
Как вызов бурям, липа моя древняя
Под ливнями.
Бывает в жизни слякотно и скверно,
Бывает — ненавижу, не таю.
Живу, как испытание на верность
Сдаю.

Март 1966 г.

* * *

Ты слышал, как звенит тишина?
Ты слышал, как кричит тишина?
Как молчит тишина?
...Не до сна.
А над городом властвует ночь,
И опять я вдвоем с тишиной.
Тишиною окно замело,
Тишина ползет из углов
И качает четыре стены.
Я боюсь.
Я боюсь тишины,
Как ребенком боялась тьмы.
...Воздух нем, и слова немые...

Июль 1966 г.

* * *

Эта нежность зачем? Эта нежность откуда?
Рвётся настезь. А может, всё это во сне?
Я давно уж не верю в неожиданное чудо,
Только чудо в самой происходит во мне.
И уже позабылись недавние беды.
Словно в праздник, на сердце легко и светло.
На глазах у себя становлюсь голубее,
Всем чертям, всем смертям, всем уставам назло.
Звёзды прямо в окно залетают небрежно —
Посходили с ума. Впрочем, звёздам видней.
От невзгод и от бурь сберегу эту нежность.
Но что делать мне с ней?

Август 1966 г. Гурзуф

* * *

Ах, эта ангельская правильность —
Ни на полшага от устава!
Ах, обывательская праведность,
Когда душа на все на ставни!
А у меня не получается
Как водится и как положено.
Качается, но не кончается
Парабола нелепых сложностей.

И дальше все головоломней —
Куда до правильной парадности! —
Он, точно лед в апреле, ломкий,
Мой путь по радуге, по радуге.
Иду. Бывает, спотыкаюсь.
А горизонт маняще чист...
Пусть падать мне на эти камни,
Но рассыпаться на лучи!

14 ноября 1966 г.

* * *

Ну, сделай хоть один безумный шаг!
Ну, заплати за срыв разбитым носом!
То разве жизнь — размеренно дышать
Или гореть, как эта папироса?

По полочкам и мысли, и гроши,
Устав во всем, не писанный, так устный.
Педанты, может быть, и хороши,
Но славу все-таки поют безумству.

Июнь 1967 г.

* * *

Валерию Алексееву

А человек читал и плакал
И, как ребенок, затихал,
И било пламя, било пламя
В его бунтующих стихах.
Слова звучали то ноктюрном,
А то подобились громам,
И падали глухие тюрьмы,
Души невинной не сломав.

Я знала о колючей сетке,
О боли тех, кто заклеямен.
Но тут кричало криком сердце
Оттуда, из глуши времен.
Болело сердце, точно жила,
Где гибло золотое дно,
А мы считаем: пережили
Своей истории пятно.

Ноябрь 1967 г.

* * *

А! После смерти не поставят памятник! —
Нередко мне такое говорят.
Но если я останусь в чьей-то памяти,
Я буду знать, что прожила не зря.
Не так уж мало с вами нам отпущено,
И нужно только силы приложить,
Чтоб если быть, так быть из лучших лучшими,
А жить спешить, так в полном смысле жить.
Не просто что-то, где-то, как-то делать,
А каждый день и час идти на бой
За принципы, за правду, за идею,
За право даже быть самим собой.
Уходят годы... Что оставим людям?
Сойдем на нет иль будем вечно памятны? —
Решать сегодня. И, возможно, будет
Еще при жизни нам поставлен памятник.

Январь 1966 г.